

Книги Ника Перумова,
вышедшие в
«Издательстве АЛЬФА-КНИГА»

АЛЕКСАНДРОВСКИЕ КАДЕТЫ
(в двух томах)

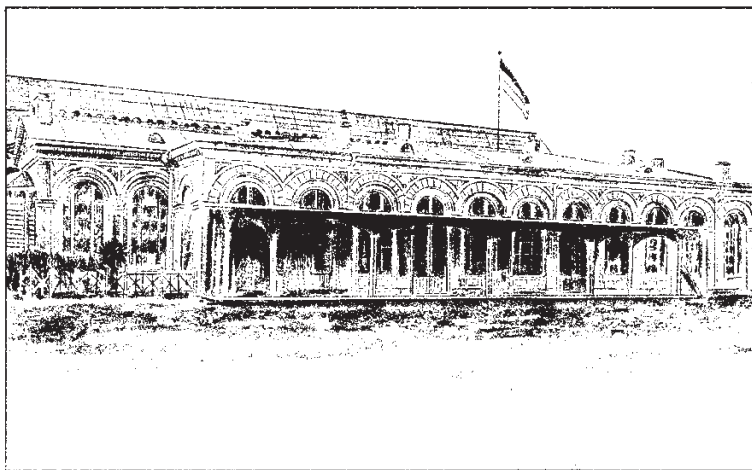
В соавторстве с Полиной Каминской

ПОХИТИТЕЛИ ДУШ
ОДИН НА ОДИН

30xap068'16

ЗАЧИН

*Лето 1908 года, город Елисаветинск Таврической губернии,
затем — город Гатчино Санкт-Петербургской*

Протяжный, с надрывом, паровозный гудок: «У-у-уезжайу-у-у!..» И пых, пых, пых — клубы дыма. И пыльные вагоны — тёмно-зелёные, синие, песочно-жёлтые, и низкая платформа славного града Елисаветинска, что в не менее славной Таврической губернии.

Палит солнце, жарит так, как будто дало слово прокалить всё внизу, точно в печке, где обжигают кирпич. Вдоль вагонов, несмотря на старания обливающихся потом городских, гомонит настоящий рынок:

- Гарбузов! Кому гарбузов! Гарбузов сладких!..
- Кавуны, кавуны красные, со хрустом! Язык проглотишь!
- Насіння розжарені!.. Семечки калёные!..
- Пирогі подовые, пирогі подовые!..

Возле синего вагона (что означало — вагона первого класса) толпилась «чистая» публика: дамы в шляпках, господа в добротных костюмах, хоть и изнывавшие от жары. Были тут и офицеры в повседневно оливковом, перетянутые ремнями; занесены уже носильщиками внутрь кожаные кофры, устроен багаж, и текут самые томительные минуты перед третьим, последним звонком.

Бывший ученик 3-й Елисаветинской военной гимназии Фёдор Солонов, одиннадцати лет от роду, был совершенно счастлив.

Счастливее, чем в первый день каникул. Счастливее, чем получив «отлично» по математике у занудливого придиры Пшендишевского, обожавшего лепить колы. Счастливее, чем став первым в гимназическом стрелковом смотре.

Семейство Фёдора Солонова — он сам, старшие сёстры Вера с Надеждой, мама, нянюшка Марья Фоминична и конечно же папа.

Генерального штаба полковник Алексей Евлампиевич Солонов следовал к новому месту службы в тихом городке Гатчино, что под самым Санкт-Петербургом.

В городок Гатчино, где имел резиденцию свою сам государь император, *«вся Великия и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ»*, Александр Третий Александрович, многая ему лета.

Всё! Не будет больше никакой военгимназии, «военной» больше по названию — немного стрельбы, сколько-то шагистики, — да ещё по тому, что учеников там держали в казарме, домой отпуская только на воскресенье, да и то далеко не всякую неделю. Не будет этого громадного «спального зала», заставленного кроватями в шесть рядов. Не будет унылых стен, серо-зелёных до высоты человеческого роста, скверно белёных выше, до самого потолка. Не будет тщательно и глубоко вырезанной на стенах похабщины. И дядек не будет, равнодушных или злых, вымещающих зло на гимназистах. Ничего этого больше не будет, а вместо этого...

О том, что будет вместо, Федя Солонов пока что не думал.

Мама конечно же переживала: всё ли уложено, ничего ли не забыто? Сёстры закатывали глаза — но так, чтобы не видели взрослые.

— Maman, il n'y a aucune raison de s'inquiéter, — снисходительно говорила старшая Вера по-французски, поправляя и без того идеально сидящую шляпку. — Mamá, нет никаких причин волноваться. Мы ничего не забыли; я сама всё напоследок осмотрела. И papá тоже всё осмотрел.

— Maman, tout ira bien¹, — вторила средняя, Надя.

¹ Мама, всё будет хорошо (фр.). — *Здесь и далее примеч. авт.*

— Ах, боже мой, боже мой, — только и повторяла мама, прикладывая платочек ко лбу. — Марьюшка Фоминична, милая, а положили ли мы...

Няня — она же по совместительству и кухарка — Марья Фоминична, крепкая и загорелая, несмотря на годы, улыбалась, от глаз разбегались весёлые морщинки.

— Положили, барыня Анна Степановна. Всё положили, и несессер ваш, и бумаги барышень с Феденькой, и письмо домоуправителю. Барин Алексей Евлампьевич самолично проверили, а потом и я ещё раз. Не волнуйтесь, барыня, вы так, право слово, я вашей матушке-покойнице ещё обещала за вами приглядеть, когда ещё вас самих Аннушкой кликала!

— Ах, ах, Марьюшка моя милая, что б я без тебя делала, — ударялась чуть не в слёзы мама, обнимая старую няню.

Сёстры дружно фыркали. Марья Фоминична глядела на них с укоризной, и Федя её понимал — что это они вздумали над мамой смеяться, да ещё и при ней?..

Папа стоял чуть в стороне, с офицерами своего полка, явившимися проводить, и явно прятался от нервничающей мамы за необходимостью поддерживать разговор с полковым командиром, полковником Бусыгиным, и начальниками батальонов.

— Не забывайте, Алексей Евлампьевич, пишите!

— На праздник полковой приезжайте, коль сможете!

— Как там в столице служба будет, рассказывайте! Глядишь, и мы за вами!..

— А чего ж нет, — говорил папа. — Сами видите, в академию не только шаркуны паркетные поступить могут. Вот вы, Микки, отчего ж документы не подаёте?..

— Э-э, Алексей свет Евлампьевич, вы у меня этак всех способных господ офицеров в Петербург сманите! — добродушно басил полковник. — А кто же в армии, в рядах, кто порядок поддерживать станет? Вольноопределяющиеся? Смех один, пока исправными офицерами станут!..

...Да, всё менялось. Менялась жизнь, полностью. Шутка ли — будут они жить в самом Гатчино, можно сказать, почти на дворцовом пороге!..

И потому Федя сейчас даже не слишком грустил по оставшимся в Елисаветинске друзьям, по дворовым псам, которых подкармливал, по чёрно-белой кошке Муське, что исправно ло-

вила мышей и позволяла себя погладить. Всё, всё начиналось по новой!..

А потом раздался второй звонок, и мама заволновалась, заторопилась; семейство Солоновых принялось грузиться в вагон.

...Ехать им предстояло долго. Через всю страну, без пересадок, поезд прямого сообщения как-никак! И потому, несмотря на дороговизну, мама, обычно такая экономная, настояла, чтобы билеты взяли в первый класс.

— Один раз такое в жизни бывает, — строго говорила она Фоминичне, потому что всё остальное семейство разбежалось и попряталось, за исключением старой нянюшки, что привыкла терпеливо слушать свою Аннушку, свою воспитанницу. Фоминична кротко кивала, хотя глаза её смеялись.

Да, теперь Фёдор с мамой соглашался. И бог с ними, с некупленными оловянными солдатиками!.. Не одно купе, а целых два, с дверью меж ними и собственной туалетной комнатой!.. Раскладывающиеся кресла и диваны, чьи спинки поднимались наверх, становясь полками, где можно спать; электрические лампочки, накрахмаленные скатерти — убранство не уступало лучшим волжским пароходам.

Не успели рассесться, как прозвенел третий звонок. И вновь — долгий, тоскливый, тягучий паровозный гудок; отчего он такой грустный, полный отчаяния, словно паровоз только что лишился лучшего друга?..

Поплыла назад платформа, публика, провожающие, торговки. Всё, прощай, Елисаветинск, тихий, жаркий и пыльный, здравствуй, Гатчино!..

* * *

Вокзал Гатчино-Варшавское встретил их ясным небом с прозрачной северной синевой, нарядной публикой и доносившимися из-под стеклянного купола звуками оркестра.

— Весело живут, — заметил папа.

Со стороны выглядело это и впрямь весело. Гуляющие по платформам явно никуда не собирались ехать — дамы с кружевными зонтиками, штатские в вицмундирах, даже сколько-то офицеров в форме.

— Так-с чего ж не жить, барин, — философски заметил бородатый проводник, судя по выправке — явно отставной унтер. — Здесь, гряд-с, ресторация лучше-с, чем в самом Питер-

бурхе! Насчёт её не скажу-с, сам не пробовал, а вот buffet — выше-с похвал всяких!.. Музыка играет-с, танцы устраивают!.. Государь, бывает, захаживает, самолично!..

— Ах! — не удержалась романтическая Надя.

Вера закатила глаза.

— Да-с, барин, именно так-с! Коль вам-с тут службу нести-с, так заходите, не побрезгуйте!

— Спасибо, любезный. — Папа достал рубль. — Вот тебе за труды. Ты нас в дороге как родных обиходил.

— Рад стараться! — Проводник вытянулся, и стало яснее ясного, что ещё совсем недавно стоял он в строю. — Премного благодарен, ваше высокоблагородие господин Генерального штаба полковник!

— Вольно, братец, — сказал папа. — В каком полку служил?

— Лейб-гвардии 2-й стрелковый Царскосельский! — отчеканил проводник. Распахнул шинель — на груди, под значками и нашивками, виднелся жетон: серебряная Андреевская звезда с наложенным чёрным восьмиугольником, в нём — алый круг с белым вензелем государя Александра Второго.

— Спасибо, солдат, — кивнул папа. — Бог даст, ещё свидимся.

— Бог даст, ваше высокоблагородие... — отозвался проводник, но голос его, как показалось Фёдору, звучал как-то странно.

* * *

Гатчино, Николаевская улица, дом № 10, на перекрёстке с Елизаветинской. Двухэтажное кирпичное здание, перед ним — палисадник; широкие полуарочные окна смотрят почти строго на закат и на восход. Ну углу — изящная башенка, увенчана шпилем. На первом этаже в правой половине — лавка конторских товаров, в левой половине и на втором — квартиры.

Феде тут сразу понравилось. Во-первых, простор, места много. Семь комнат как-никак: гостиная, папин кабинет, он же его спальня, столовая, мамин *boudoir*, комната Веры с Надей, комната нянюшки и, наконец, его, Фёдора Солонова, собственная спальня! Ну и кухня, конечно, с кладовкой. Новомодная ванна с колонкой, откуда прямо лилась горячая вода! Длин-

ный, тёмный и загадочный коридор с поворотом, где сам бог велел играть в индейцев, хотя он, Фёдор, конечно, для этого уже слишком взрослый.

— Мама́, — капризничала Вера, — ну почему я с Nadine, мне надо заниматься, мне нужно место, а Théodore получает целую комнату, хотя он ещё маленький?..

— Потому что, mademoiselle, c'est un garçon, он мальчик! И в одной комнате с Надин им уже *неприлично!* — Мама умела закатывать глаза никак не хуже старшей дочери.

— On pourrait placer un paravent, ширму можно поставить, мама́!

Однако мама́, вооружённая *«новѣйшими извѣстіями касательно воспитанія дѣтей разнаго полу»*, не сдавалась.

— Ширму, mademoiselle, можно было ставить, пока брат ваш был младше. А теперь всё!..

— Et pourquoi ne pas partager la chambre avec moi, Vera?¹ — искренне расстраивалась добрая Надя, слушая всё это.

— А по-русски вы что же, не можете? — вклинился Фёдя в разговор сестёр. — Пряма́ как бабушки наши! Или даже прабабушки!..

— Верно! — поддержал его папа. — Мы не во Франции, милейшее моё семейство.

Вера поджала губы и отвернулась, гордо задрал нос.

А вот нянюшке Марье Фоминичне всё нравилось. Особенно кухня, где, как и в ванной, имелся газовый титан с газовой же плитой², на которую она дивилась, как на чудо; и её собственная комнатка, где старушка первым делом поставила на полку писанный в Киеве складень.

А во дворе, где поднимались сирень и липы, теснились по старинке дровяные сараи; невдалеке, на Соборной площади, золотились церковные купола; носильщики затаскивали кофры, родители хлопотали, и вообще царила та суэта, какая только и бывает при переезде на новое место.

¹ А чего ты, Вера, со мной в спальне не хочешь? (*фр.*)

² Газовые плиты, в общем подобные нашим современным, появились во Франции ещё в 1857 году. В нашей истории к 1914 году 10 тыс. квартир в центре Санкт-Петербурга имели газоснабжение, газовые плиты и газовые водонагреватели.

Первые недели прошли в сплошных хлопотах. Мама с Марьей Фоминичной обустроивались, папа пропадал на службе — начальник штаба «*Особаго гвардейскаго Туркестанскаго стрѣлковаго полка*», не шутка! Да, без приставки «лейб-», но это была «молодая гвардия», как говорил папа, части, показавшие себя в жаре и безводье среднеазиатских походов или на заросших гаоляном сопках Маньчжурии. Сёстры, Вера с Надей, побывали в женской гимназии Тальминовой, что на проспекте императора Павла Первого, 14. Вернулись довольные, особенно Вера:

— Папа́, ты представляешь, там преподают физику по университетскому курсу! По учебнику Хвольсона!¹

— Oh mon Dieu! — пугалась мама. — Вера! Mon enfant! Помилуйте, ну зачем же юной барышне из приличной семьи какая-то там физика?!

— Мама́, вы сами нам рассказывали, как вам в пансионе её преподавали!

— En quantité, mademoiselle, в должных количествах! Не по университетскому же курсу!

— А я справлюсь! — упрячилась Вера. — Надо — дополнительно заниматься стану! Уроки брать!

— Mademoiselle! — сердилась мама. — Ваш отец старается, он день и ночь на службе, а вы!..

— А я и не собираюсь брать у папа́! — задорно отвечала старшая сестра. — Я сама уроки давать буду! Вы же знаете — у меня всё очень хорошо и с языками, и с музыкой, и с математикой, и с...

Это было правдой, нехотя признавал Федя. Вера и впрямь отлично училась, всё давалось ей легко, словно безо всяких усилий; к последнему году гимназии она совершенно свободно говорила по-французски, по-немецки и по-английски; непринуждённо исполняла прелюдии Скрябина², прекрасно рисовала, в общем, служила настоящим живым кошмаром для

¹ Хвольсон, Орест Данилович (*1852—†1934) — выдающийся русский физик и педагог, автор фундаментального «Курса физики» в пяти томах, впервые изданного в 1897—1908 годах.

² Прелюдии А. Н. Скрябина считаются технически сложными в исполнении, особенно для непрофессионального пианиста.

Нади и Фёдора, которым старшую сестру постоянно ставили в пример.

— Какие ещё уроки! — сердилась мама. — *Quel enfant terrible!*..

— Никакой я не «ужасный ребёнок», мамá!

Короче говоря, весело было.

В общем, от этого всего Фёдор старался при каждом удобном случае улизнуть во двор. Здесь было хорошо — просторно и зелено, дальше по Николаевской начинались особняки и дачи, а если свернуть направо, по Елизаветинской, потянутся такие же двухэтажные дома с магазинами и лавками на первых этажах, и там чего только не продавалось!

Интересно заходить было всюду. Начиная с писчебумажного, расположившегося в том же доме № 10, только ближе к углу; заворачивая, нырять в книжную лавку, где можно было найти и самые дешёвые приключения Ната Пинкертона, и жутко дорогие, завёрнутые в вощёную бумагу тома «Всемирной истории». Повздыхав над последними выпусками похождения Ника Картера¹, Федя шёл дальше.

А дальше его ждал оружейный магазин, настоящая мальчишеская Мекка, как сказал бы папа.

...Вот и в этот раз Фёдор поднялся на две ступеньки, потянул на себя тяжёлую резную дверь с отполированной бронзовой ручкой. Сердце, как всегда, замерло; здесь, за порогом истинно мужского царства, вкусно пахло оружейной смазкой, матово блестели выстроившиеся как на параде воронёные стволы; застыли аристократки-двустволки, словно хвастаясь друг перед другом роскошью гравировки на замковых досках и резьбой, покрывающей ложу; с ними спорили худощавые иностранки, многозарядные винтовки Винчестера или Генри; ещё дальше скромно помалкивали наши берданки — мы, дескать, хоть и староваты, а до дела дойдёт — послужим, да ещё как, не подведём небось!..

В стеклянных витринах устроились разнообразнейшие револьверы и пистолеты: и уверенные в себе наганы, и короткие толстяки «уэбли», и длинноствольные кольты, и брутальные

¹ Ник Картер — герой популярных детективных историй, подобный Нату Пинкертому. Впервые появился в 1886 году. Романы публиковались в виде еженедельных выпусков «с продолжениями», дешёвыми массовыми изданиями.

маузеры, и элегантные парабеллумы, и тупоносые браунинги. На всё это великолепиие Фёдор мог любоваться часами, читая и перечитывая приведённые рядом с каждой моделью характеристики. Для Феди всё это звучало как музыка: «...разработанъ подъ патронъ 7,63 × 25 мм... короткий ходъ отдачи... запираніе за опорныя поверхности на затвор?... магазинъ неотъёмный... снаряженіе изъ спеціальной обоймы...»

Федю тут знали. В самый первый раз, когда он робко — не выгонят ли? — переступил порог заведения, приказчик Евграф только посмотрел на него, слегка прищурившись, и вдруг сказал:

— Феофил Феофилич, а вот и гость наш новый!

Феофил Феофиличем оказался хозяин магазина, дородный, в сюртуке и жилетке, и с массивной золотой цепью от карманных часов.

— О, вижу, вижу! — пробасил он. — Никак нового начальника штаба у туркестанцев, его превосходительства полковника Солонова сынок? Фёдор Алексеевич, стало быть?

Хозяин беззастенчиво льстил — «его превосходительством» полагалось именовать только генерала, никак не полковника, и оттого Федя даже растерялся; а растерявшись, лишь молча кивнул.

— Не удивляйтесь, молодой человек, не удивляйтесь. Гатчино город маленький, а слухами земля полнится. Очень рад-с, очень рад-с! Входите, входите-с, у нас за погляд денег не берут. Евграф, любезный, приготовь-ка прейскурант наш да заверни получше, а я его превосходительству полковнику письмо приветственное напишу, Фёдор Алексеевич домой и снесёт, верно ведь?..

Фёдор снёс. Папа только головой покачал.

— Торговцы. Лучше любых шпионов всё вызнают.

Но прейскурант изучал очень внимательно. И даже что-то купил на следующий день. Что-то явно недешёвое, потому что и Евграф, и Феофил Феофилич стали с Фёдором весьма любезны, привечали, давали смотреть красивые каталоги и даже разрешали подержать настоящее оружие.

...В общем, в тот день после обеда Фёдор, как всегда, зашёл к Феофил Феофиличу. Как всегда, был встречен благодушным рокотом приветствия, но не успел он раскрыть новый, только что присланный каталог льежской ружейной фабрики «Кокке-

риль», как дверь магазина резко распахнулась, да так, что едва не оборвался бронзовый колокольчик над ней.

В лавку ворвалась женщина, сухая, подтянутая, остроликая. В Елисаветинске Фёдор никогда таких не видел — в мужской кепке и пиджаке с юбкой-амазонкой. Следом за ней спешила, едва успевая, девочка в гимназическом платье, с длинной пушистой косой. Июль, теплынь, а она по всей форме — видать, гимназия строгая, даже в каникулы не допускают никаких вольностей.

В общем, девочка как девочка, но Фёдор на всякий случай отвернулся. Что он, девчонок не видывал?..

— Боже мой, Варвара Аполлоновна! — аж подскочил хозяин, а приказчик Евграф согнулся в низком поклоне. — Прошу-с, прошу-с! Евграф, стул госпоже...

— Не надо стульев, Феофил Феофилович, дорогой, — резко бросила гостя. — Я к вам не лясы точить прибежала. Фу, неслась, словно финка-молочница, у которой сейчас товар весь скиснет. Лиза! Лизавета, постой в сторонке. Вон там, у окна. Так вот, любезный хозяин, мне требуется двустволка. Надёжная.

— Варвара Аполлоновна, я вам с радостью продам все двустволки мира, но, ради всего святого, что случилось?..

— На дачу мою напали. А двустволку беру сторожу моему, Михею.

Феофил Феофилович схватился за голову.

— Да как же так?! Да что это такое? Опять, что ли, всё начинается? Как в девятьсот пятом? Что ж именно случилось, благодетельница?

— Бродяги какие-то. Люмпены. Не знаю даже, откуда они там. Но...

Гимназистка Лизавета тихонько вздохнула. Фёдор только сейчас сообразил, что он, лопух, сидит, а дама стоит, пусть даже и даме этой, как и ему, судя по всему, одиннадцать лет. Точнее, почти двенадцать. Ему, то есть Фёдору, почти двенадцать, через три недели.

— *Asseyez-vous, s'il vous plaît mademoiselle*¹, — совершил он тринадцатый подвиг Геракла, для чего ему понадобились все, до последней капли, познания его во французском. Что

¹ Пожалуйста, садитесь, мадемуазель (*фр.*).

поделать, 3-я Елисаветинская военная гимназия не могла похвастаться выдающимся преподаванием иностранных языков. Если б не мама с сестрой Верой, вообще б ничего не смог сказать. И тогда прощай, корпус!..

Корпус, в который ему совсем скоро предстоит поступить.

— Благодарю, господин?..

— С-солонув. Фёдор Солонув.

— Очень приятно, — ужасно вежливым голосом сказала девочка. — Лиза. Лиза Корабельникова, к вашим услугам, господин Солонув.

У неё были удивительные глаза. Зелёные, все усыпанные яркими карими крапинками. Федя таких не видел нигде и ни у кого.

Приказчик Евграф и хозяин Феофил Феофилович склоняли Варвару Аполлоновну к приобретению «американской автоматической дробовой магазинки Браунинга» аж за семьдесят пять рублей («и шестьдесят копеек за добавление антабок к оному») или же «шестизарядного магазинного дробовика Винчестера с подвижным цевьём отличной работы» за всего лишь шестьдесят целковых. Варвара Аполлоновна колебалась; гимназистка Елизавета сидела с очень прямой спиной, разве только руки не «в замок», как на уроке, а Федя Солонув переминался с ноги на ногу и мучительно краснел, чувствуя, что должен, что просто обязан что-то сказать, но что?..

— Depuis quand êtes-vous ici, cher Monsieur Solonov?¹ — наконец выдала девочка.

Федя мигом покрылся потом. Его познания во французском показывали дно. «Ишь какая, — невольно подумал он. — Ну точно, как Вера! По-иностранному!.. Небось задавака, каких свет не видывал!.. «Когда приехали» да «месяе»... Будто нормально, по-нашенски, не может!»

— Да всего неделя, мадемуазель Елизавета...

— Можно просто Лиза. — И она взглянула на него снизу вверх своими невозможными глазищами. — И можно по-русски. — И прибавила заговорщическим шёпотом: — Это из-за мамы только, не подумайте, я не воображуля какая. Я не очень французский знаю...

¹ Как давно вы приехали, дорогой месяе Солонув? (*фр.*)

Федя с облегчением выдохнул. Хотя, конечно, ещё робел — всё-таки Лиза эта гатчинская, тут сам государь проживает, не шутка! А он-то, он — из провинциального Елисаветинска...

— Я тоже не очень, — признался он.

— И не надо! — решительно сказала Лиза. — Кто эти глупости придумал? Что разговор начинать надо непременно по-французски?

— У нас никто так не начинал, — сказал Федя. — Мы по-простому, по-русски!

— А вы откуда?

— Из Елисаветинска. Это на юге...

— Знаю! Знаю! — оживилась гимназистка. — Его великая императрикс Елисавета основала! А меня в её честь назвали, да!

— Да ну? — не придумал ничего лучше Фёдор.

— Ну да! Потому что прабабка моя была на всю Россию знаменитейшая гадалка... ну и не только... в общем, сама государыня её к себе вызывала гадать на картах, на судьбу, на любовь да на дальнюю дорогу. И за то государыня жаловала прабабку табакеркой, усыпанной брильянтами, а прабабка завещала каждую старшую дочь в семье непременно называть Елисаветой! Во как!

Глазищи у Лизы так и горели.

— Здорово! — искренне восхитился Федя. Лизавета выпалила всё это с такой убеждённостью, что он почему-то ни на миг не усомнился. И ещё подумал: «А она интересная! Нашенская!»

— Ага! А мы тут постоянно живём, на даче, но не только летом, зимогоры зовёмся!

— Мы тоже так будем, — кивнул Федя. — Отец в полку служит, начальником штаба...

Так они и разговорились. Варвара Аполлоновна несколько раз метнула на них внимательные взгляды, однако не прервала. «Автоматическую дробовую магазинку Браунинга» она таки купила, велела упаковать приобретение, счёт прислать по адресу, известному Феофил Феофиловичу, приказчику же Евраграфу — нести дробовик к ней домой.

— Мне пора, — поднялась Лиза. — Видишь (они уже перешли на «ты»), моя мама хорошая. Другие б нипочём не позволили дочери с незнакомым мальчиком говорить!

— А где ж вы живёте? — выпалил Федя прежде, чем осознал, насколько это невежливо. Но отчего-то ему вдруг стало грустно, что сейчас эта зеленоглазая Лиза уйдёт вместе с матерью и приказчиком и... и всё.

— Недалеко, молодой человек, — услышал он. Варвара Аполлоновна взирала на него и улыбалась. — Бомбардирская, 11. Корабельниковы, собственный дом.

— Мама! Это Федя Солонов, он приехал только что!

— Солонов?.. О, Солонов!.. Скажите, дорогой Федя, уж не ваш ли батюшка — новый начальник штаба Туркестанского полка?..

— Так точно! — словно вновь в военной гимназии, выпалил Фёдор, вытягиваясь по стойке «смирно».

— О! — подняла бровь Лизина мать. — Какое знакомство! Где же вы остановились? Как зовут вашу почтенную матушку? Надо ей написать, пригласить в наше общество...

Пришлось отвечать со всеми подробностями — Варвара Аполлоновна была дама из тех, что вытянет любые детали. Как говорил в таких случаях папа: «Женщине иногда лучше рассказать всё сразу, сынок!»

Лизаветину маму интересовало буквально всё: откуда Федина семья приехала, сколько у него сестёр и братьев, чем они занимаются, и так далее и тому подобное.

Меж тем покупка была должным образом завёрнута в несколько слоёв вощёной бумаги, убрана в длинный чехол, и Лиза с матерью направились к выходу из лавки; Фёдор вышел за ними следом. Приказчик Евграф изображал, что нести ружьё ему вельми тяжело, явно намекая на чаевые, Варвара Аполлоновна Корабельникова понимающе усмехалась, а Лизавета...

Лизавета обернулась и помахала Феде на прощанье.

...В общем, неведомо почему, но настроение у Феди осталось преотличным. Преотличным настолько, что он решил предпринять вылазку подальше от дома — вниз по Елизаветинской, за Александровскую и ещё дальше, к самой железной дороге. За путями начиналась деревня Малое Гатчино, откуда каждое утро тянулись на рынок бабы с корзинками и мужики на телегах.

Здесь дома были далеко не такие ухоженные и красивые, как на Люцевской, Николаевской или Соборной улицах, где

тянулись или дачи известных людей, как сказал папа, или доходные дома для таких, как они, офицеров гатчинского гарнизона. На Александровской Федю встретили обычные деревянные домики в один этаж да в три окна, правда, всё же не бедные деревенские избы — все изукрашены резными наличниками, крыты, само собой, красным железом, а не соломой.

Вдоль железнодорожных путей тянулись высаженные на равных промежутках друг от друга тополя. Донёся паровозный гудок — со стороны Петербурга приближался поезд. На ближайшем углу маячил городской в белом летнем кителе, перетянутом ремнями, при шашке и револьвере. Делать тут было явно нечего, и Фёдор тихонько затрусил себе дальше, решив вернуться обратно по Малогатчинской улице.

Справа от него, у самой насыпи, зашевелились кусты, заполнившие пространство меж липами; оттуда вынырнула стайка мальчишек, босых, худо одетых — кроме одного, самого старшего, лет, наверное, четырнадцати.

Был на нём пиджак, явно с чужого плеча, но добротный. Под ним — алая рубаха, словно у таборного цыгана. Волосы курчавые, нос с горбинкой, а на ногах — настоящие сапоги. Взгляд наглый, уверенный, оценивающий; впрочем, нагло и с вызовом глядела вся его команда.

Федя Солонов не зря жил в Елисаветинске и не зря учился в 3-й военной. У них, военгимназистов, была кровная вражда с мальчишками заводской слободы, ещё прозываемой Лобаевской, по имени крупного заводчика, имевшего там фабрику. Слобода эта лежала за неширокой речкой, пересекавшей город; она-то и делила Елисаветинск на «рабочую» и «чистую» части.

Вот с ними, гимназистами, мальчишки, которые «за рекой», и дрались при каждом удобном случае. Почему, отчего, Федя не знал и не задумывался, всегда так было. «Наши» не давали «фабричным» шарить по заречным яблоневым садам, «фабричные» не давали короткой дорогой добраться до станции или до Вознесенской, главной торговой улицы.

А ему, Фёдору, тогда не повезло. Зачитался на ходу, потому что ранец просто жёг новенький неразрезанный «*Шэрлокъ Холмсъ*», и сам не заметил, как оказался на чужой территории.

И нарвался на почти такую же толпу, от которой едва унёс ноги. Хорошо вовремя опомнился и сумел отступить, не потеряв лица. Как смеялся потом папа, «совершил тактическую перегруппировку в тыл перед лицом превосходящих сил неприятеля», но и она бы не помогла — на счастье, из ближних ворот появился дворник, дюжий дядя Степан, отставной унтер, засвистел в свисток да схватился за метлу. А метла у дяди Стёпы, надо сказать, была отменной длины и тяжести (многие гимназисты её на себе опробовали, когда пытались через заборы сигать в дяди-Стёпиных владениях), и «фабричные» это тоже очень хорошо знали.

Перегруппировку Фёдя, может, и совершил, но при этом очень хорошо запомнил их взгляды.

И вот сейчас на него эта компания пялилась точно так же — как на добычу, словно волки на овцу, невесть почему оказавшуюся в самой чаще леса.

Парень в алой рубахе презрительно сплюнул и, сунув руки в карманы, развязной походкой двинулся к Фёдору.

В животе у Феди всё сжалось. Нет, он был не дурак подражаться и дрался в Елисаветинске немало; но всё больше или один на один, или стенка на стенку. А когда против тебя пятеро...

Он быстро огляделся. Как учил папа: «Всё что угодно может стать оружием. Штакетина. Камень. Любая палка. Главное — успеть подхватить».

Но, увы, здесь, похоже, совсем недавно прошёлся дворник, прибрал всё очень тщательно.

Фёдор сжал кулаки. Следовало или позорно бежать, или драться, одному против всех.

А чернявый всё ускорял шаг, словно боясь, что лакомая добыча может ускользнуть.

— Эй, мальчик! Да, да, ты. А ну поди сюда. Сюда поди, кому говорю! Ты чего это на нашу улицу явился да без билета?

— Без какого ещё билета? — выдавил Фёдя.

— Ой! — схватился за голову главарь. — У тебя билета, значит, нету? А как же без билета ходить, а? Беда! Как есть беда!

Остальные мальчишки дружно загоготали.

— Ну ничего. Мы тебе сейчас билетик-то выправим по всей форме...

— Ну-ка, ну-ка, куда-то ты тут собрался на моей улице, а, Йоська?

Городовой вырос словно из-под земли. Могучий, усатый, руки в бока, пшеничные усы грозно топорщатся, на груди сверкают начищенные значки и медали «за беспорочную службу».

— Пал Михалыч! Ваше достоинство!.. — мигом обернулся поименованный Йоськой парень в алом. — Доброго вам здорovyчка, как службишка, как супружница?..

Слова он выплёвывал глумливо, тоже избоченясь. Свита его, впрочем, притихла, прячась за спиной у главаря.

— «Службишка»?! Сопли подбери да молоко на губах оботри, сосунок, — побагровел городской. — А ну живо отсюда! Мотай, покуда в кутузке не оказался!

— Да за что ж меня, сироту горемычную, в кутузку?! — возопил Йоська. — Прощения просим, коль обидел чем, Пал Михалыч! Вот и в мыслях не держал, ей-же-ей!

— А коль не держал, — угрюмо сказал Пал Михалыч, — то руки в ноги и давай проваливай. Мне на моём участке происшествиев не надобно. Давай-давай, пока я добрый.

— Да, Пал Михалыч, да как скажете! — Йоська дурашливо-низко поклонился. — Нешто ж мы супротив власти? Как нам, сиротам бедным, сказано, так делаем! Вишь, робяты, не пуцают нас в чистые кварталы-то!

— А ну, тараканья сыть, хорош болтать! — отчего-то совсем рассвирепел городской. — Быстро отсюда!

Он ловко выхватил из-за голенища казачью нагайку. Йоська извернулся ужом и почти увернулся, но именно что почти. Его хлестнуло по спине, он взвыл. Бросился наутёк, и следом вся его шайка, мигом исчезнувшая в зарослях вдоль железной дороги.

— Ишь, крапивное семя, — зло прорычал полицейский. — Так и лезут из-за чугулки, так и смотрят, чего б стянуть!.. А мы отвечаем!.. Сечь их всех, да как следует, чтобы знали!..

Фёдор помалкивал и вообще очень старался сделаться невидимкой, словно в романе Уэллса.

Городовой в последний раз всхрапнул, крикнул, утирая усы, и мрачно уставился на Федю.

— А ты, барчук, шёл бы домой. Нечего тебе тут болтаться. Хорошо, что я рядом случился, а то б оставили тебя без копейки. Обтрясли б, аки яблоню.

— У-у меня денег-то и нет совсем... — кое-как выдавил Федя.

— Ещё того хуже. Избили б до потери сознания. Они ж даже не как уголовные, у тех какие-никакие, а понятия наличествуют. А этот со своими — шпана, одно слово!.. Ладно ещё свинчаткой отоварит, может и ножом пырнуть. Одно слово — Йоська Бешеный! Давно б следовало ему в колонию для малолетних отправляться — а лучше б в тюрьму! — да никак не уловим. Ловок, тараканья сыть!.. Ладно, барчук, ступай домой. Где живёшь-то, кстати?

— Николаевская, 10, — отрапортовал Федя.

— Как раз граница моего участка. Ну, бывай, барчук. Ещё свидимся, на Рождество да на Пасху светлую...

Федя, как мог, поблагодарил городского Павла Михайловича. И, хотя понимал, что тот его спас от немалых неприятностей, Солонову-младшему было как-то не по себе. Зачем полицейский стал стегать этого Йоську? Как ни крути, тот ведь ничего ещё сделать не успел. Зачем же так? Полиция — это закон, так папа всегда учил, и так Федя верил. Одно дело, какой-нибудь дед Пахом на соседней улице в Елисаветинске, к которому мальчишки вишни обтрясывать лазали, — ну, тут понять можно. А полиция?..

...Домой Фёдор добрался хоть и в сомнениях, но безо всяких приключений. По здравом размышлении решил ничего никому не рассказывать — мама только зря волноваться станет, сестрица Вера отпустит какую-нибудь ехидность; в общем, хлопот не оберёшься.

И потому промолчал.

...Дома всё сошло благополучно, даже врать не пришлось. Где был? Гулял. Что видел? Дорогу железную видел, в лавки зашёл поглазеть. Всё хорошо? Всё.

А два дня спустя маму «с чадами и домочадцами» позвала в гости письмом та самая Варвара Аполлоновна Корабельникова. На вечере, как говорилось, будут полковые дамы, «а также и иные». Мужей не звали.

Письмо было чрезвычайно любезно, мама очень обрадовалась. Феде был učinён ещё один допрос — где и как он сумел познакомиться с такой важной персоной в женском обществе Гатчино.

После чего все принялись собираться.

Выглядело это, в общем, как малый самум, пронёсшийся по квартире. Федя надеялся отсидеться у себя в комнате, но был отыскан, схвачен и послан «приводить себя в порядок», как положено «молодому человеку приятной наружности».

После всего лишь трёхчасовых сборов, что для мамы, Веры и Нади было очень быстро, они все загрузились в пролётку. Ехать до Бомбардирской, 11, всего ничего, но идти пешком? Боже упаси!

Дом Корабельниковых оказался изящной деревянной дачей в два этажа с мезонином, по углам элегантные башенки. Балконы с гнутыми перилами, а позади — густой сад.

Барвара Аполлоновна самолично вышла их встречать. Рядом с ней, нарядная и очень серьёзная, стояла Лизавета. Правда, стоило матерям погрузиться в обряд взаимных представлений, как Лиза подмигнула Феде, едва заметно улыбувшись.

Потом был представлен молодой человек, Валериан, в форменной тужурке, затянутый в талии так, что Феде показалось — он сейчас переломится. Валериан оказался кузеном Лизаветы, петербургским студентом, и галантно предложил руку Вере.

Надя закатила глаза.

Вечер начался.

Как-то оно само собой получилось, что вскоре взрослые собрались вокруг рояля, а дети — то есть Федя и Лизавета — уже сидели на больших качелях, устроенных во дворе. Быстро темнело, на веранде горели лампы, прислуга накрывала там большой чайный стол, весело трещало пламя в уличном камине. Ветер шелестел тихо в кронах, словно нашептывал: «Ра-

Ученица 2-го класса
женской гимназии м-ше Тальминовой
Елизавета КОРАБЕЛЬНИКОВА

дуйся! Радуйся!» — а они с Лизой болтали обо всём на свете так, словно знали друг друга сто лет.

Из раскрытых окон веранды доносилась музыка, кто-то играл вступление к «Мой костёр в тумане светит», мужской голос начал первый куплет, а Лизавета вдруг хихикнула в кулачок.

— Кузен Валериан исполняет. С таким гонором, точно Шаляпин. А сам детонирует всё время!

Для Феди слово «детонирует» означало только и исключительно подрыв взрывчатого вещества; он недоумённо уставился на Лизу, но та уже неслась дальше:

— И вообще, это женский романс! «На прощанье шаль с каймою // Ты на мне узлом стяни», мужчины шали не носят!.. Нет, слышишь, слышишь?! — И она аж схватила Федю за руку. — Детонирование какое?

Федя ничего не слышал, но на всякий случай кивнул.

— Я тоже петь люблю, — гордо объявила Лизавета. — И на рояле играю. И ещё на скрипке.

В Федином представлении скрипка была орудием пытки, каковым их в Елисаветинске вечно изводил учитель музыки. И вот тогда бог знает почему, но Федя Солонов рассказал Лизавете Корабельниковой о стычке с Ёоськой Бешеным. О том, как забрёл к железной дороге — на самом деле совсем недалеко от дома! — и как нарвался на Ёоську с его командой.

Лиза слушала его хорошо. Не ойкала, не охала, не советовала «немедля всё сообщить взрослым».

— Ёоська Бешеный — кто ж его не знает... — очень деловито сказала она, как только Фёдор умолк. — «Отпетый» про таких говорят.

— Да откуда ж ты его знаешь? — поразился Федя.

— Во-первых, старшие классы рассказывали. Он в слободе верховодит, никого просто так не пропустит. И глумиться любит. Один... — Тут Лизавета опустила глаза. — Один знакомый гимназист, Женя Филиппов, бедный толстячок, Ёоське попался, так тот Женю на колени поставил, чтобы тот пощады просил. На колени поставил, карманные деньги отнял, но бить не стал, так, пару тумачков отвесил. Во-вторых, он у нашей классной дамы портмоне стащил, да так ловко! А в-третьих, Ёоську кузен Валера знает. Только ты его Валерой не

зови, не любит страшно. «Валериан, к вашим услугам. — передразнила Лиза. — Имя даровано в честь римского императора, каковой прославлен многочисленными благодеяниями...», — получилось так похоже, что они с Фёдором дружно расхохотались.

— Да откуда ж кузен твой его знать может? — вторично подивился Фёдор. Йоська этот получался какая-то местная знаменитость — и Лиза о нём слышала, и кузен Лизаветин его знает!

— Э! Кузен Валера у нас вольтерьянец, как бабушка говорит. В народной школе учит; там этого Йоську и встретил. Дескать, «очень одарённый подросток, — загнусавила Лизавета, зажав себе нос. — Но прогнившее самодержавие закрывает таким дорогу»... ой.

— Тихо ты! — зашипел на неё Федя. — А кузен Валера, он... он...

— Ты только не говори никому, — потупилась Лиза. — Он же и впрямь кузен. Мамин племянник.

— Не скажу, — мрачно пообещал Федя. А потом не удержался и добавил: — И никакое оно не прогнившее! Самодержавие наше...

— Ну конечно нет! — горячо подхватила Лиза. — Это ж так... мама говорит: «Кто в юности не мечтал изменить мир?..» Так не скажешь?

— Не скажу.

— Точно?

— Могила!

— Поклянись! — торжественно проговорила Лиза, соскакивая с качелей и глядя Фёдору в глаза. — Крест целуй!

Зелёные глаза у неё так и горели.

Федя повиновался. Расстегнул ворот, достал нательный золотой крестик.

— Клянусь, что буду молчать и в том крест святой целую! — трижды перекрестился и поднёс к губам тёплый металл.

— Вот и хорошо, — успокоилась Лиза. — А теперь пошли, сейчас чай подадут. С пирогами, а также с безе миндальным. Кухарка наша, Аксинья, мастерица безе печь. Любишь безе?..

Мама визитом осталась чрезвычайно довольна. Папа как ни прятался в кабинете, как ни возводил редуты с эскарпами и контрэскарпами из очень важных и срочных документов, а был принуждён к безоговорочной капитуляции и выслушиванию рассказа со всеми подробностями.

Фёдор уныло выслушал бесконечные славословия кузену Валериану, описания встреченных дам, их туалетов и всего прочего. Скучно и неинтересно. Вот совсем. Гораздо интереснее было — увидится ли он снова с Лизой?

Она могла бы стать настоящим товарищем, хоть и девчонка.

А меж тем миновал июль, начался август. Приближались Федины день рождения и именины. Рынок заполнили местные хрустящие огурцы, всевозможнейшая ягода, и лесная, и садовая; битая дичь, сеголетки; клубника отходила, но везли её свежей с севера, как только умудрялись выращивать?..

Квартира приобретала жилой вид. Мама с неиссякаемым упорством расставляла вазы и книги, кружевные салфетки и прочее; Вера строила коварные планы захвата Фединой комнаты, «тебе ведь всё равно она скоро не нужна будет?». Надя была посажена «подтягивать языки» перед началом гимназического года.

Солонов-младший оказался на какое-то время предоставлен сам себе, и это было прекрасно. Можно было забраться с ногами в огромное старое кресло, которое никуда не вменялось и потому из гостиной отправилось в ссылку — заполнять угол Фединой комнаты, раскрыть толстый том «Мести „Кракена”», а там...

«— Къ повороту оверштагъ приготовить!»

— Есть, капитань!

Мелдонъ Харли пыхнулъ знаменитой на вѣсь *Mar Caribe* трубкой. Трехпалая рука капитана «Кракена» лежала на эфесѣ широкой абордажной сабли. — Шевелитесь, не то самъ отправлю всѣхъ и каждаго въ рундукъ Дэви Джонса!

— Да, да, капитань!

«Кракенъ» шель бейдевиндомъ праваго галса подъ всѣми парусами, уходя отъ королевской эскадры. Тяжело нагруженный, онъ не могъ оторваться отъ фрегатовъ сэра Уитчборо;

команда всё чаще поглядывала на капитана — пора уже было что-то предпринимать!..

— Ложимся на бейдевиндъ лѣваго галса. Всѣ бомъ-брамсели взять на гитовы и гордени, гафъ-топсель убрать!.. Стаксели между гротами спустить! Шевелитесь же, черти!

И для вящаго вразумленія команды капитанъ выпалилъ въ воздухъ изъ огромнаго пистолета...»

Как же это было прекрасно: мчаться по лазурной глади далѣкихъ прекрасныхъ Кариб, стоя за штурваломъ верного, какъ смерть, «Кракена», прикидывая, когда вражій флагманъ окажется достаточно близко, чтобы решить дело однимъ стремительнымъ абордажемъ!..

— Федя! Хватитъ уже пялиться в книжку, иди погуляй! — заглядывала к нему мама. Слишкомъ долгое чтение она не одобряла, особенно — «всяческихъ бандитскихъ исторій».

Федя вздохнул, отложилъ «Кракена», поплѣлся к двери. Верно, вид он имелъ совсемъ несчастный, потому что мама вдругъ расщедрилась, выдавъ ему двугривенный.

С каковымъ двугривеннымъ Федя и былъ отпущенъ — пройти съ до Соборной улицы, что от проспекта Павла Первого до городского собора. Тамъ располагались все лучшіе магазины, игралъ граммофонъ в «Кафе де Пари», и имелось там, в домѣ № 1, заведение купца Антонова подъ вывеской «Русская булочная». Кроме булокъ подавали тамъ отличный кофе — и турецкій, и глянсе, и всякій. Мороженое подавали тоже, самое разное. Вот туда-то Федя и направлялся, пребывая, понятное дело, в самомъ лучшемъ расположении духа.

Онъ поднялся по Елизаветинской улице, пересѣкъ Багговутскую. Здѣсь начинались большіе участки «старыхъ дач», подъ раскидистыми кронами, с акаціями вдоль фигурныхъ заборовъ. Дворникъ в беломъ фартукѣ с ярко начищенной бляхой проводилъ Фёдора подозрительнымъ взглядомъ — не задумалъ ли какую каверзу? — и вновь зашаркалъ метлой.

Сирота, безпризорникъ

Іосифъ БЕШАНОВЪ

Но даже это получалось у него как-то... музыкально, что ли. Шрррр-шр! Шрррр-шр!

Фёдор завернул за угол, на Бомбардирскую (Лиза жила совсем рядом; эх, ну что им стоит столкнуться вот прямо сейчас?..), и...

— Со свиданьичком, барчук! — раздалось насмешливое.

Федя крутнулся, машинально сжимая кулаки. Спина уткнулась в жёсткие штакетины забора. Эх, эх, раззява, размечтался, разнюнился!.. Думал, далеко от «чугунки» да от слободы — и никто тебя не тронет?

Перед ним пританцовывал на носках всё тот же Йоська Бешеный. Форсистый, сапоги гармошкой, блестят, рубаха навывпуск, кепка сдвинута набекрень, а губы расшелепил, чтоб блестел бы золотой зуб, и пялился он, Йоська, «лыбясь», прямо Фёдору в глаза; ну а рожа у него была совершенно премерзостная.

Приделась и его команда, более не напоминая оборванцев со дна городских трущоб.

— Со свиданьичком, грю! — продолжал Йоська, не вынимая правой руки из кармана. — Шо молчишь, барчук? Язык проглотил? Ты мне должен, забыл? Через тебя ни за што ни про што нагайкой отхватил!..

Пока Йоськина свита не успела перекрыть Феде все пути к отступлению, ещё можно было бежать, но — «Солоновы не бегают». Почему-то Федя твёрдо знал, что нет, бежать нельзя. Именно сейчас — нельзя.

Можно было упасть на колени и просить пощады — как тот гимназист Филиппов, о котором рассказывала Лизавета, но — «Солоновы не стоят на коленях».

«Если тебя окружили, — наставлял папа, — постарайся сбить с ног крайнего, тем самым открыв себе дорогу...»

Нет. Не побегу.

— А он, Йось, обделался, поди! — загоготал конопатый парнишка примерно одних лет с Федей. — Эй, давай, чего встал? Карманы выворачивай!

— Фи, как некультурно, Утюг! Так только бандиты с большой дороги выражаются! — Йоська наморщил нос. — Пусть сперва прощения попросит. Как тот жирняга. Помните, как плакал да в ногах валялся?.. А потом...

— А потом уже карманы! — пискнул самый мелкий шкет. Ему на вид было лет восемь, и уж его-то куда более рослый и крепкий Федя бы свалил, однако пацанёнок предусмотрительно прыгал у Бешеного за спиной.

— А потом уже карманы, — согласился Йоська. — Ну давай, барчук! На коленки встал, быстренько!..

«Солоновы не встают на колени».

Федя не знал, откуда это явилось, оно просто было и заполнило его всего горячей, кипящей волной.

«Солоновы не встают на колени»!

А если драка неизбежна, то бить надо первым. Это Фёдор отлично усвоил ещё в Елисаветинске.

— Шо, таки не встанешь? — удивился Йоська. А потом он выхаркнул Феде в лицо какие-то грязные и злые слова насчёт его, Фединой, мамы; слова настолько грязные и злые, что Фёдор их даже не запомнил; а ещё потом Йоська размахнулся картинно, заноса правую руку далеко назад; и тут Фёдор недолго думая коротким прямым правой двинул ему в нос.

Двинул хорошо. И попал — ещё лучше. Голова Йоськи дёрнулась назад, кепка слетела, а Федя, ничего не видя в багровой ярости, кроме ненавистной физиономии, ударил снова, левым боковым. Он попал и второй раз, в скулу, Йоська на миг потерял равновесие, чуть не шлёпнувшись на спину. Но ловко извернулся и сам уже кинулся на Фёдора, несмотря на капавшую на рубашку кровь. Правую руку он быстро сунул в карман и, хитро замахнувшись, вдруг резко поменял направление удара, коротко ткнув военгимназиста Солонова в подбородок.

Боль ослепила, Федю отбросило назад, однако на ногах он удержался — благодаря доскам забора.

Он уже ощущал что-то тёплое, струящееся по шее, однако замахнулся снова.

Где-то рядом заливисто раскатилась трель свистка. Кто-то гневно крикнул; и кто-то из Йоськиной своры завопил: «Атас!»

И все они кинулись врассыпную.

Но Федя это уже не очень видел, потому что к нему подбежал какой-то офицер в форме, потом дворник в сером фартуке; чьи-то руки подхватили его, кто-то быстро сказал:

— Рассечение, глубокое...

— Позвольте, голубчик, я врач... — Фёдора вертели, словно куклу. — Так, быстро к нам, в госпиталь!..

* * *

...В общем, переполох получился ужасный. Молодой подпоручик, первым спугнувший шайку, оказался папиным сослуживцем; он-то и протелефонировал полковнику Солонову.

В госпитале, что помещался совсем рядом, здесь же, на Соборной, рану обработали и зашили. Первым появился папа, бледный, но спокойный. Быстро осмотрел вместе с доктором шов, кивнул, сжал Феде плечо и сказал только одно слово — «молодец».

...Уже потом, когда Фёдора привезли домой, он узнал, что в кулаке Йоська держал тяжеленную свинчатку, грань которой и рассекла подбородок; рассекла глубоко, до самой кости.

Дома, конечно, все рыдали. Ну, кроме папы. Рыдала мама, рыдали добрая сестра Надя с нянюшкой Марьей Фоминичной; сестра Вера, как ни пыталась крепиться, а тоже разрыдалась, да так, что пришлось ей давать нюхательных солей.

Пришли несколько полицейских чинов, записали показания. Фёдя не стал говорить, что уже сталкивался с Йоськой — зачем? Ещё выйдет неприятность городовому Павлу Михалычу, а ему, Фёдору, это разве нужно?

...Бешеного искали. Однако он, не будь дурак, в тот же день и исчез — как сквозь землю провалился. Не видали его и в слободе за железной дорогой, и на деревенских рынках, и вообще в округе. Скрылась с ним и его шайка.

Зато какой был повод погордиться перед Лизаветой!..

Конечно же мама не могла не пригласить общество в ответ. И, конечно, Варвара Аполлоновна не могла не явиться вместе с дочерью.

Лиза выслушала Федин рассказ, разинув рот и прижав ладошки к щекам, — так и просидела, пока он не договорил.

— Ты такой молодец! И не испугался!.. Я бы со страху умерла, только этого Йоську увидев!..

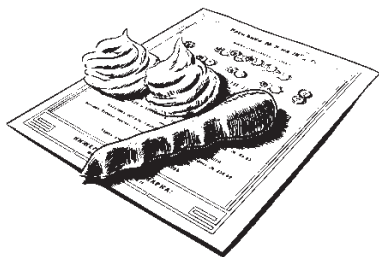
Фёдя немедленно расправил плечи, ощущая в себе силы сразить десяток подобных йосек.

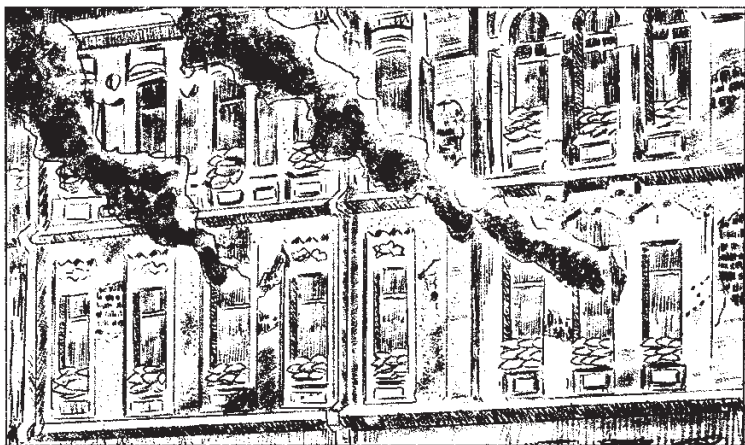
И, в общем, как-то оно само получилось, что на другой день отправились они в ту самую «Русскую булочную», где подавали

лучшее во граде Гатчино мороженое. Благо были каникулы, Фёдор вообще ещё нигде не числился, и кричать им вслед дразнилки про «тили-тили-тесто, жених и невеста!» было некому.

...Катились цветными шариками под горку августовские дни, шумные и изобильные. Кончалось лето, для Феи — счастливое и радостное. Даже заживавший рубец на подбородке, при одном взгляде на который мама вздрагивала, а нянюшка охала и крестилась, — даже он ничуть ему не докучал, напротив. «Шрамы украшают мужчину».

А потом настало *то самое утро*.

ВЗГЛЯД ВПЕРЁД — 1

*25 октября 1914 года, дворец Северный Палас князя
императорской крови Сергея Константиновича Младшего,
окрестности Гатчины*

— Рота! Слушай мою команду! Занять позицию — окна первого этажа! Стрелки-отличники, команда Слона... то есть Солонова — на второй! Рассыпаться! Огонь только по моему свистку! Солонов — твоих это не касается! Резкий и злой голос — Две Мишени командовал отрывисто, уверенно, словно на корпусном стрельбище.

— Цинки вскрыть! Оружие зарядить! Шевелитесь, здесь вам не высочайший смотр!

...Второй этаж, нам на второй этаж, это ж мы — стрелки-отличники, они же — команда Солонова. Собранные с бору по сосёнке из старших возрастов лучшие стрелки корпуса.

Фёдор взлетел по ступеням — широченная лестница вела из зала первого дворцового этажа на второй, где вдоль всего фасада протянулась галерея, от конца до конца здания пройти можно.

— Слон! Командуй! — крикнул кто-то.

Окна уже выбиты, тянет октябрьским холодом, проёмы кто-то успел заложить мешками с песком, молодцы. Внизу — ог-

ромный, до самого горизонта тянувшийся, парк: посыпанные песком аккуратные дорожки, белые беседки на островках посреди искусственного озера, перекинутые над протоками изящные мостки. Лес вдалеке; левее, к юго-востоку, где прятался городок Гатчино — многочисленные дымы.

Нет, про это я думать не буду, прикрикнул он на себя. Не буду думать, что сейчас там горит, что с дворцом государя, что с родной Николаевской, что с Бомбардирской, что с домом № 11 на оной...

«Командуй!» Командуй, Слон, и забудь обо всём.

— Миха, Лихой! Сюда. — Фёдор указал на первое из огромных, до самого потолка, окон. — Варлам, Стёпа — вы следующие. Бушен, Севка — вы дальше, через одно. А я тут, в серёдке...

Пары ему уже не было, потому что восьмой из стрелков-отличников, долговязый Юрка Вяземский по прозвищу, само собой, Вяземь, остался там, в пакгаузах у станции. Станцию они взяли, её занимала сейчас надёжная казачья сотня, противник же...

Противник быстро понял, что к чему, и начал обходить их сводный полк с фланга. Но они успели сюда, в Северный Палас, первыми.

В галерее валяется перевернутая мебель, подушки на диванах исколоты штыками, многие картины сорваны со стен, рамы изломаны, холсты изорваны...

Здесь словно побывало стадо взбесившихся быков.

Пока суд да дело, Фёдор высунулся наружу, на балкон, со своим карманным анемометром. Конечно, едва ли Две Мишени даст команду стрелять с таких дистанций, но всё-таки.

И, едва он откинул крышку приборчика, как заметил — там, вдалеке, где кончался сизый пригородный лес и начинался дворцовый луг, где стояли птичники и оранжереи, из зарослей поднялась широкая цепь крошечных фигурок, почти неразличимых с такого расстояния.

До чего же быстры, с досадой подумал Солонов. Вскинул к глазам бинокль, подкрутил верньер — слава богу, это немцы, наступают немцы, в кургузых своих мышино-серых шинелях и шлемах с дурацкими стальными навершиями.

Однако следом за мышино-серыми появились и наши родные, длинные, правда, почти выцветшие, и сердце Фёдора упало.

Никак не привыкну. Никак...

— ...Товсь! — донеслось снизу зычное.

Две Мишени не отдал им, стрелкам-отличникам, никаких особых приказов. Оно и понятно, они старшие, ему хватит заботы с младшим взводом. Огонь по свистку, а остальное сами.

Мышиные и желтовато-серые шинели меж тем довольно споро растянулись ещё шире, насколько позволял луг. Из зарослей показал тупое рыло броневик, за ним ещё и ещё. Фёдор вновь вскинул бинокль — да, точно, тяжёлые «мариенвагены», полугусеничные, да не просто так, а с миномётами в открытых кузовах.

Миномёт — это плохо, донельзя...

Три, четыре, пять — пять пятнистых бронемашин за цепями. И чем их доставать? Одними гранатами?

И помощи просить не у кого. Сводный полк — одно название, что полк; казачья сотня, сотня самокатчиков, полурота павлонов, три десятка дедушек — дворцовых гренадер, помнивших, наверное, ещё Таврическую войну, десятка два жандармов, городских и полицейских, кто избежал ярости толпы в самые первые дни мятежа, и...

И они. Александровские кадеты.

Но их, увы, тоже совсем мало. Самая старшая первая рота, рота, где Фёдор Солонов и состоял «кадет-вице-фельдфебелем»¹, почти в полном составе отбыла в Петербург с начальником корпуса, и от них не было ни слуху ни духу. С ней же отправилась и вторая, годом младше.

Третья и четвёртая роты развернулись к станции Павловской, перекрывая кратчайшую дорогу на Петербург. А вот пятая, те, кому тринадцать-четырнадцать, в глазах Фёдора — малышня, кому только в салки играть на корпусном плацу, — они все здесь, три десятка мальков, лежат, пыхтят, устраиваясь у бойниц...

Шестая и седьмая, самые младшие, должны были эвакуироваться с преподавателями-гражданскими по Балтийской ветке; в мастерских нашёлся один-единственный исправный паровоз,

¹ Вице-фельдфебель — унтер-офицерское звание, присваивавшееся одному из кадет выпускного класса за особые успехи в учении и безупречное поведение. Обязанности кадета-вице-фельдфебеля определялись особой инструкцией, утверждённой Военным министерством.

а на грузовой станции — несколько платформ, куда пацанов и хотели погрузить.

Если всё хорошо, то они уже должны подъезжать к Дудергофу. Там — во всяком случае, по слухам — имелись верные войска.

Правда, что делается дальше, ближе к столице и в ней самой, — никто не знал.

И лучше сейчас об этом даже не думать.

Фёдор отогнал непрошенные мысли. В конце концов, он вице-фельдфебель или нет?! И про Юрку Вяземского, застывшего на холодной октябрьской земле лицом вниз, в луже тёмной крови, он не будет думать тоже.

Но это получалось плохо.

...Юрку застрелил молодой мастеровой, в замавленной телогрейке и рабочей кепке, засевший в крепком месте, возле узкого продуха под крышей кирпичного пакгауза, когда разгорячённые кадеты вслед за казаками ринулись через площадь. Мастеровой мог бы спрятаться и отсидеться, чёрта с два бы его там нашли, в огромном складе; однако он открыл огонь и хорошо ещё, что не слишком метко.

Длинноногий Юрка бежал впереди всех. И — ноги ему словно верёвка подсекла: рухнул замертво, беззвучно, не успев даже застонать.

В тот проклятый продух кадеты всадили, наверное, полсотни пуль. Чья достала мастерового — само собой, никто не узнал. Но, когда его вытащили наружу, он был ещё жив, упрямо и бессмысленно цеплялся за жизнь.

Две Мишени склонился было над ним — да только махнул рукой, не жилец, мол.

Мастеровой был совсем молодой, а пальцы, что судорожно скребли утопанную землю — уже все мозолистые, натруженные, в свежих царапинах и застарелых шрамах.

И единственное, что он успел прохрипеть, пока не обмяк и не отошёл: «Долой самодержавие».

Долой самодержавие...

Фёдор видел, как рука Двух Мишеней дёрнулась было к маузеру — и замерла. А потом потянулась — опустить мёртвому веки.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Зачин</i>	5
<i>Взгляд вперёд — 1</i>	32
Глава I	43
Глава II	59
Глава III	94
Глава IV	134
<i>Взгляд вперёд — 2</i>	159
Глава V	171
Глава VI	195
Глава VII	231
Глава VIII	257
<i>Взгляд вперёд — 3</i>	297